

На правах рукописи

Ермакова Ольга Владимировна

**МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ:
ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент
Плаксина Татьяна Алексеевна

Официальные оппоненты доктор юридических наук, профессор
Безверхов Артур Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент
Никитина Ирина Александровна

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится «25» ноября 2011 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.267.02 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, ул. Московский тракт, 8, учебный корпус № 4, ауд. 111.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, ул. Ленина, 34-а.

Автореферат разослан ___ октября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

С.А. Елисеев

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Согласно официальным статистическим данным преступления против собственности в Российской Федерации на протяжении десятков лет составляют более половины от числа всех зарегистрированных преступлений и во многом определяют общую картину преступности. В последние годы их счет идет на миллионы. Так, по информации ГИАЦ МВД России в 2007 году было зарегистрировано 2327625 преступлений, предусмотренных ст.ст. 158-168 УК РФ, в 2008 году – 1999821, в 2009 – 1798549, в 2010 – 1603449, в первом полугодии 2011 года – 731970 преступлений. Традиционно высокий абсолютный и относительный уровень преступлений против собственности в нашей стране порождает необходимость постоянного контроля над ними, в том числе и с помощью уголовно-правовых средств.

Эффективное уголовно-правовое предупреждение любых видов преступлений невозможно без их правильной квалификации. Последняя, в свою очередь, предопределяется не только верным выбором статьи Особенной части УК РФ, но и точным установлением того, является ли преступление оконченным. Решение же вопросов, связанных с установлением момента окончания преступлений, в равной степени зависит и от совершенства уголовного закона, и от его правильного толкования. Между тем, законодатель далеко не всегда предлагает такие формулировки признаков составов преступлений против собственности, которые, во-первых, отражали бы социально обоснованную конструкцию этих составов, во-вторых, позволяли бы делать однозначные выводы о законодательной регламентации момента окончания данных преступлений. Неудивительно поэтому, что выяснение момента окончания преступлений против собственности вызывает серьезные трудности у практических работников. Несмотря на то, что Пленумом Верховного Суда РФ дается официальное толкование момента окончания целого ряда таких преступлений (кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты, вымогательства, неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения), оно не может удовлетворить потребности практики, поскольку зачастую основано на оценочных понятиях и само нуждается в дополнительных пояснениях. В результате при применении уголовного закона одинаковые ситуации нередко оцениваются по-разному.

Нет единого мнения о моменте окончания преступлений против собственности и среди ученых, хотя проблемы ответственности за указанные преступления в отечественной уголовно-правовой науке рассматривались в работах многих известных теоретиков: А.Г. Безверхова, Л. Белогриц-Котляревского, А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, В.В. Векленко, В.А. Владимирова, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, М.А. Гельфера, С.А. Елисеева, В.В. Ераксина, А.А. Жижиленко, Б.Д. Завидова, М.М. Исаева, И.А. Клепицкого, С.М. Кочои, И.Я. Козаченко, Г.А. Кригера, Г.Л. Кригер, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунова, П.С. Матышевского, Б.С. Никифорова, А.А. Пинаева, В.И. Плохой, П.П. Пусторослева, А.П. Севрюкова, Т.Л. Сергеевой, Н.Д. Сергиевского, С.В. Склярова, Н.С. Таганцева, Э.С. Тенчова, И.Я. Фойницкого, П.С. Яни и других. В последние годы преступлениям против собственности было посвящено немало диссертационных исследований. Однако вопросы, касающиеся момента окончания этих преступлений, представлены в научных работах фрагментарно.

Нельзя не отметить и то, что понятие момента окончания преступления и его соотношение со смежными категориями, факторы, влияющие на конструкцию состава преступления, способы отражения в законе момента окончания преступления до сих пор остаются практически не исследованными даже безотносительно к конкретным видам преступлений. Тем более в науке уголовного права не предпринималось комплексного анализа проблем законодательной регламентации момента окончания преступлений против собственности и его установления в правоприменительной деятельности. Перечисленные обстоятельства предопределили актуальность темы диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является разработка комплекса теоретических положений, способных послужить основой для совершенствования уголовного законодательства в части регламентации в нем момента окончания преступлений против собственности и правоприменительной практики в части определения момента окончания данных преступлений.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- разработать понятие «момент окончания преступления», выяснить его соотношение со смежными категориями, связь с конструкцией состава преступления;
- выявить обстоятельства, влияющие на законодательную регламентацию момента окончания преступлений вообще и преступлений против собственности в частности;

- определить способы отражения в законе момента окончания преступлений против собственности;
- исследовать обоснованность современной законодательной регламентации момента окончания хищений и иных преступлений против собственности и внести предложения по совершенствованию уголовного законодательства;
- проанализировать толкование момента окончания преступлений против собственности в теории уголовного права и судебной практике;
- сформулировать рекомендации по правильному определению момента окончания исследуемой группы преступлений в правоприменительной практике.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям против собственности. Предметом исследования выступают нормы, устанавливающие ответственность за преступления против собственности, практика их применения в части, связанной с определением момента окончания этих преступлений.

Теоретическая, нормативная и методологическая основы исследования. Теоретическую основу диссертации составили труды российских ученых (в том числе – дореволюционного периода), исследующих: 1) обоснованность конструкций составов преступлений и обстоятельства, влияющие на их выбор; 2) стадии совершения преступления; 3) проблемы ответственности за преступления против собственности. Диссертантом использованы также работы по теории права, философии, криминологии, гражданскому праву.

Нормативно-правовой базой исследования выступает действующее уголовное законодательство Российской Федерации, уголовное законодательство России дореволюционного и советского периодов, уголовное законодательство некоторых зарубежных стран в части регламентации в нем момента окончания преступлений против собственности.

При проведении диссертационного исследования применялись диалектический метод научного познания, а также логический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, статистический и другие общенаучные и частные методы познания социально-правовой действительности.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют материалы 500 уголовных дел о преступлениях против собственности, рассмотренных судами Алтайского края, Республики Ал-

тай и Томской области в 2000-2010 гг., материалы опубликованной практики Верховного Суда РФ за период с 1990 по 2010 гг. и Верховного Суда СССР, приговоры и кассационные определения по делам о преступлениях против собственности, размещенные на официальных сайтах судов Красноярского и Краснодарского краев, Свердловской, Кировской, Саратовской областей и ряда других субъектов РФ. Кроме того, использованы данные опроса 100 научных и практических работников, а также статистические данные о состоянии и динамике преступлений против собственности в РФ в 2007-2011 гг.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем разработан комплекс теоретических положений, способных послужить основой для совершенствования уголовного законодательства в части регламентации в нем момента окончания преступлений против собственности и правоприменительной практики в части определения момента окончания данных преступлений. С учетом дополнительных (по сравнению с ранее высказанными в науке) аргументов обосновано несоответствие современного толкования в судебной практике момента окончания хищений законодательному определению хищения. В работе предложено такое определение момента окончания хищений, которое позволяет с одних и тех же концептуальных позиций решать вопрос о моменте окончания различных форм и видов хищений. Разработан проект изменений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященные преступлениям против собственности, в части определения момента юридического окончания этих преступлений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Составы двуобъектных преступлений по конструкции объективной стороны могут быть четырех типов: 1) в объективную сторону состава не включаются ни общественно опасное последствие, связанное с основным объектом, ни общественно опасное последствие, отражающее нарушение дополнительного объекта; 2) в объективную сторону состава включаются оба последствия; 3) в состав введено последствие, отражающее причинение вреда основному объекту, но не введено последствие, связанное с дополнительным объектом; 4) в состав, напротив, включается последствие, выражающее нарушение дополнительного объекта, но не вводится последствие, связанное с основным объектом. Второй тип составов (с двумя общественно опасными последствиями), если вина по отношению к каждому последствию выступает в форме умысла, вызывает существ-

венные проблемы с оценкой содеянного при ненаступлении одного из последствий, поэтому он является неудачной законодательной конструкцией.

2. Общественная опасность преступления выступает в качестве важного фактора, обуславливающего конструкцию состава преступления и, как следствие, законодательную регламентацию момента окончания любого преступления. Однако ее влияние не является однонаправленным в том смысле, что чем выше степень общественной опасности, тем больше оснований для конструирования состава как формального. Более того, конструкцию состава предопределяет не каждое из обстоятельств, детерминирующих общественную опасность деяния и относящихся к элементам преступления, а лишь объект, общественно опасные последствия и форма вины. При выборе конструкции состава законодатель должен учитывать и некоторые особенности криминологической характеристики преступлений: если фактическое совершение каких-либо умышленных деяний по общему правилу не сопровождается наступлением желаемых виновными последствий, заключающихся в материализации причинения вреда объекту, а вред выражается лишь в нарушении охраняющих общественных отношений, то момент окончания преступления в законе должен связываться с совершением самого деяния.

3. Анализ обстоятельств, предопределяющих конструкцию состава преступления, применительно к преступлениям против собственности дает основания утверждать, что составы этих преступлений по общему правилу должны конструироваться по типу материальных. Исключение из этого правила должно касаться двух видов деяний: 1) вымогательства; 2) хищения из газопровода. В первом случае основанием для конструирования состава как формального выступает то, что при совершении подавляющего большинства таких преступлений имущественный ущерб потерпевшему фактически не причиняется. Во втором случае основанием для конструирования состава в качестве формального является невозможность установления размера причиненного ущерба вследствие особенностей предмета преступления, места, откуда происходит изъятие имущества, и механизма совершения преступления (потребление непосредственно следует за изъятием). На практике это приводит к объективному вменению в части степени тяжести наступивших последствий. Поэтому предлагается выделить новый состав: «Незаконное подключение к газопроводу, совершенное с целью хищения» (ст. 158-1 УК РФ).

4. Состав разбоя должен быть сформулирован следующим образом: «Разбой, то есть хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия,

опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». Однако конструирование состава разбоя как материального приведет к тому, что особо квалифицированный состав «разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью» будет представлять собой состав двуобъектного преступления, включающий два обязательных последствия. В силу неудачности таких законодательных конструкций предлагается исключить особо квалифицирующий признак разбоя «с причинением тяжкого вреда здоровью» из ч. 4 ст. 162 УК РФ, а содеянное квалифицировать по совокупности со ст. 111 УК РФ.

5. С учетом того, что указание в легальном определении хищения и на причинение имущественного ущерба как следствие деяния, и на обращение имущества в пользу виновного или других лиц, которое может находиться за пределами данного последствия, создает предпосылки для неоднозначного понимания момента окончания хищения, в работе предложено сформулировать понятие хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ следующим образом: «Под хищением в статьях настоящей главы понимается противоправное, безвозмездное, совершенное с корыстной целью изъятие чужого имущества, причинившее имущественный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

6. Определение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ момента окончания целого ряда форм хищения через момент появления у виновного реальной возможности пользоваться изъятим имуществом или распорядиться им по своему усмотрению имеет несколько существенных недостатков: 1) не фиксирует момент окончания хищения, поскольку базируется на понятии, которое само является оценочным и требует толкования; 2) противоречит законодательному определению хищения, из которого вытекает, что моментом окончания хищения должен выступать момент причинения имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества; 3) некорректно в философском смысле, так как отсутствие препятствий пользоваться и распоряжаться похищенным может рассматриваться лишь как абстрактная возможность осуществления этих правомочий, а в судебной практике оно расценивается как реальная возможность; 4) основывается на учете интересов виновного, а не потерпевшего.

7. Причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества при хищении происходит вследствие изъятия имущества. Однако момент причинения ущерба потерпевшему изъятием у него имущества (момент прекращения владения им вещью) и момент получения виновным возможности

пользоваться имуществом и распоряжаться им по своему усмотрению (момент установления господства над имуществом со стороны виновного) в ряде случаев не совпадают. Момент окончания хищения должен связываться с моментом изъятия. Именно такое решение соответствует включению в законодательное определение хищения причинения имущественного ущерба потерпевшему.

8. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ предлагается дать следующее разъяснение момента окончания присвоения: «Присвоение является окончанным с момента неисполнения виновным обязанности передать вверенное имущество собственнику или законному владельцу в установленный последний срок (например, с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства или возвратить имущество по требованию собственника или иного владельца), а в случаях, когда лицо до момента истечения срока исполнения такой обязанности совершало действия, направленные на обращение вверенного имущества в свою пользу (например, осуществило подлог для сокрытия наличия у него такого имущества), – с момента совершения таких действий».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы: 1) для развития науки в части углубления теоретических представлений о моменте окончания преступления в рамках учения о стадиях преступной деятельности, а также дальнейшего развития учения об ответственности за преступления против собственности; 2) для формулирования предложений по совершенствованию уголовного законодательства в части регламентации момента окончания преступлений против собственности; 3) для разработки рекомендаций, необходимых для правильного определения момента окончания преступлений против собственности в процессе правоприменительной деятельности; 4) при преподавании курса «Уголовное право» и ряда спецкурсов в юридических вузах, а также в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Автором внесены предложения по совершенствованию отдельных из существующих статей главы 21 УК РФ «Преступления против собственности» (в частности, ст. 162, 160 УК РФ, примечания 1 к ст. 158 УК РФ) и введению новой статьи (ст. 158-1 УК РФ), а также сформулированы положения, касающиеся оп-

ределения момента окончания ряда преступлений против собственности, которые могут быть использованы в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы и рекомендации опубликованы в 19 научных работах общим объемом 3,03 п.л., в том числе в 2 статьях в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов диссертации. Результаты диссертационного исследования прошли обсуждение на научно-практических конференциях (в том числе международных) «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2008-2009), «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (Барнаул, 2008-2010), «Образование и наука на пороге третьего тысячелетия» (Барнаул, 2009), «Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений» (Москва, 2009). Кроме того, они внедрены в учебный процесс в Барнаульском юридическом институте МВД России и в правоприменительную деятельность в УБЭП ГУВД по Алтайскому краю.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, показывается степень ее разработанности, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава первая – «Обстоятельства, влияющие на законодательную регламентацию момента окончания преступлений против собственности, способы его отражения в законе» – состоит из трех параграфов.

В **первом параграфе** рассматривается понятие момента окончания преступления, его соотношение со смежными категориями, связь с конструкцией состава преступления. Особое внимание диссертантом уделяется вопросу о необходимости дифференциации моментов юридического и фактического оконча-

ния преступления. Всякое преступление как общественно опасное деяние причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны. Однако не всякий причиняемый деянием вред включается в соответствующий состав преступления как признак его объективной стороны. Степень поражения объекта уголовно-правовой охраны, получающая отражение в составе преступления, может быть различной. На основе разработанной в теории уголовного права концепции сложной структуры объекта уголовно-правовой охраны (В.Д. Филимонов), согласно которой объект состоит из двух подсистем – охраняемого общественного отношения и охраняющего общественного отношения, в работе показывается возможность несовпадения момента юридического окончания преступления и момента его фактического окончания. Вред, причиняемый охраняющему общественному отношению и выражающийся в его разрыве, находит свое отражение в любом составе преступления через описание самого общественно опасного деяния (в узком смысле). Вред, причиняемый охраняемому общественному отношению и материализующийся в поддающихся установлению общественно опасных последствиях, вводится законодателем в конкретные составы преступлений в качестве самостоятельного признака объективной стороны весьма избирательно. Именно поэтому некоторые преступления, юридически завершившись в момент причинения вреда охраняющему общественному отношению, фактически становятся оконченными лишь в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, то есть в момент наступления материализованных общественно опасных последствий, находящихся за пределами состава преступления. Оконченное в юридическом смысле преступление включает в себя всю совокупность признаков деяния, тождественных признакам соответствующего состава преступления. Момент юридического окончания преступления – это момент развития общественно опасного посягательства, в который в совершаемом деянии оказываются представлены все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Его значение заключается в том, что в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом, он отделяет неоконченную преступную деятельность от оконченого преступления; лишь до его наступления возможен добровольный отказ от доведения преступления до конца и перерастание преступления в однородное более опасное преступление.

Момент юридического окончания преступления (далее – момент окончания преступления) непосредственно связан с конструкцией состава преступле-

ния, отражающей особенности его объективной стороны. Не вдаваясь в детали дискуссии о классификации составов на формальные и материальные, автор исследует особенности конструкции составов двуобъектных преступлений. По конструкции объективной стороны диссертантом выделены четыре типа составов двуобъектных преступлений: 1) в объективную сторону состава не включается ни последствие, связанное с основным объектом, ни последствие, связанное с дополнительным объектом; 2) в объективную сторону состава включаются оба общественно опасных последствия; 3) в состав введено последствие, отражающее причинение вреда основному объекту, но не введено последствие, связанное с дополнительным объектом; 4) в состав, напротив, включается последствие, выражающее нарушение дополнительного объекта, но не вводится последствие, связанное с основным объектом.

Оценивая эти типы составов двуобъектных преступлений, соискатель подчеркивает, что наименее удачным является второй тип состава, если вина по отношению к каждому последствию выступает в форме умысла. Момент окончания такого преступления должен связываться с моментом, когда в совершенном деянии оказываются представлены оба последствия. В случае ненаступления хотя бы одного из них деяние не может расцениваться как оконченное преступление данного вида, однако квалифицировать его как покушение тоже не всегда представляется возможным (например, если по отношению к одному последствию имел место прямой умысел, а по отношению к другому – косвенный). Поэтому законодателю следовало бы избегать таких конструкций. Третий и четвертый типы составов двуобъектных преступлений неудачны для использования их при конструировании квалифицированного состава преступления, если основной состав является формальным, а в квалифицированном составе формой вины по отношению к последствию выступает умысел. В таких случаях при оценке конкретных ситуаций неизбежно возникает проблема конкуренции покушения на преступление, соответствующее квалифицированному составу, и оконченого преступления, соответствующего основному составу.

Второй параграф посвящен обстоятельствам, влияющим на законодательную регламентацию момента окончания преступлений против собственности. В уголовно-правовой литературе при обращении к вопросу о том, какие обстоятельства обуславливают выбор законодателем той или иной конструкции состава преступления и тем самым определяют регламентацию момента

окончания преступления, специалисты обычно указывают на общественную опасность преступления. Последняя обладает качественной и количественной характеристиками (характером и степенью), которые сами находятся под воздействием значительного числа факторов (объект посягательства, характер и тяжесть причиненных вредных последствий, способ посягательства, форма вины и др.). Среди них, прежде всего, и следует искать те детерминанты, которые могут определять конструирование состава как формального или материального.

Анализируя в данном контексте объект уголовно-правовой охраны, автор показывает, что ценность объекта, значимость образующих его общественных отношений, предопределяя характер общественной опасности преступления, способны в известной степени обуславливать и конструкцию состава. Но универсального правила – чем выше ценность объекта, тем больше оснований для конструирования состава как формального – здесь нет, слишком многочисленными были бы исключения из него, которые сегодня можно найти в уголовном законе. Общественно опасные последствия неразрывно связаны с объектом, поскольку представляют собой вредные изменения в охраняемом общественном отношении как подсистеме объекта уголовно-правовой охраны. Однако при анализе влияния специфики последствий на конструирование составов преступлений можно выявить ряд относительно самостоятельных подлежащих учету факторов и сформулировать соответствующие рекомендации законодателю. Диссертант подчеркивает, что последствия, заключающиеся в причинении вреда охраняемым общественным отношениям, подлежат включению в состав преступления при наличии следующих условий: 1) эти последствия не являются неизбежными, а всего лишь возможны; 2) они поддаются оценке и установлению на практике; 3) они могут градуироваться по степени тяжести; 4) они однородны по своему содержанию при совершении конкретных деяний одного и того же вида (это правило не является абсолютным).

Важное значение для конструирования объективной стороны состава преступления имеет и форма вины. Криминализация неосторожных деяний осуществляется лишь при условии причинения ими общественно опасных последствий. В составы умышленных преступлений последствия могут включаться лишь в том случае, если их можно предвидеть.

Законодатель должен учитывать и некоторые особенности криминологической характеристики преступлений. В частности, если фактическое соверше-

ние каких-либо умышленных деяний по общему правилу не сопровождается наступлением желаемых виновными последствий, заключающихся в материализации причинения ущерба объекту, а этот ущерб выражается лишь в нарушении нормального функционирования общественного отношения, то момент окончания преступления в законе должен связываться с совершением самого деяния.

Рассматривая выявленные факторы применительно к преступлениям против собственности, автор исходит из широкого понимания отношений собственности как охраняемых общественных отношений, полагая, что в них следует включать как экономические, так и правовые отношения. Механизм причинения вреда отношениям собственности как объекту уголовно-правовой охраны детерминирован в первую очередь предметом преступления. Предмет преступления, входящий в структуру объекта, определяет качественную характеристику общественно опасных последствий, причиняемых воздействием на охраняемое общественное отношение. Предметом преступлений против собственности является чужое имущество, поэтому причиняемый вред носит имущественный характер. Однако фактически охраняемое общественное отношение страдает не во всех случаях совершения рассматриваемых посягательств, имущественный ущерб собственнику или иному владельцу причиняется далеко не всегда, так как попытка виновного завладеть чужим имуществом или, к примеру, уничтожить его может быть и неудачной. Поэтому при конструировании составов преступлений против собственности имеет смысл отразить в законе причинение вреда охраняемому общественному отношению посредством включения в составы общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба. При решении вопроса о конструкции составов преступлений против собственности стоит принять во внимание и сравнительную ценность рассматриваемого объекта: очевидно, она не столь высока, как ценность некоторых других охраняемых уголовным законом общественных отношений, например, отношений в области безопасности жизни, здоровья, конституционного строя РФ. Следовательно, и в этом плане с учетом особенностей объекта составы преступлений против собственности более логично формулировать как материальные, а не как формальные.

Содержание охраняемых общественных отношений как одной из подсистем объекта преступлений против собственности не позволяет относить к числу материализованных общественно опасных последствий данных преступлений какие-либо другие виды вреда, кроме имущественного. Более того, и имущест-

венный вред может быть включен в число последствий рассматриваемых преступлений не во всех его проявлениях. Автор подчеркивает, что в составы преступлений могут включаться не любые последствия, непосредственно связанные с объектом уголовно-правовой охраны, а только те, которые отвечают определенным требованиям: они не следуют с неизбежностью за деянием, а всего лишь вероятны; однородны по содержанию применительно к преступлениям одного и того же вида, поддаются установлению и оценке, градируются. Кроме того, эти последствия должны быть такими, чтобы у виновного была возможность осознавать их качество и объем, поскольку с наступлением данных последствий будет связываться момент юридического окончания преступления. С учетом этих обстоятельств в составы преступлений против собственности должен вводиться реальный ущерб, выраженный в утрате или повреждении имущества.

В третьем параграфе освещаются способы отражения в законе момента окончания преступлений против собственности. Они различны в зависимости от того, сконструировано преступление по типу материального либо формального состава. В материальных составах преступлений против собственности должен указываться минимальный необходимый для привлечения к ответственности размер имущественного ущерба. Анализ современного законодательства показывает, что это правило соблюдается далеко не в полной мере: размер причиненного ущерба либо вообще не обозначен, либо обозначен через оценочное понятие, не разъясняемое самим законодателем (исключение составляет ст. 168 УК РФ). В связи с этим автором вносятся предложения по совершенствованию диспозиций ряда статей главы 21 УК РФ. Единственный способ отражения в законе момента окончания преступлений против собственности с формальным составом – четкое описание признаков преступного деяния. В случаях обозначения деяния посредством использования отглагольного существительного, которое может быть истолковано и как сам процесс, и как результат этого процесса, субъектам официального толкования необходимо своевременно давать разъяснения относительно момента юридического окончания преступления.

Глава вторая – «Момент окончания хищений» – содержит три параграфа.

Первый параграф посвящен анализу обоснованности законодательной регламентации момента окончания хищения, его отдельных форм и видов. На основе положений, сформулированных во втором параграфе первой главы, автор доказывает, что и родовой состав хищения, и составы конкретных форм хище-

ний должны конструироваться как материальные с включением в них в качестве общественно опасных последствий той части реального имущественного вреда, причиненного собственнику или иному владельцу имущества, которая заключается в утрате имущества. Такие последствия при совершении хищений не следуют с неизбежностью за деянием. Факт их причинения достаточно легко устанавливается, а сами они поддаются оценке в денежном выражении, градируются, могут быть большими или меньшими по величине, отражая степень общественной опасности деяния. То, что последствия в виде утраты потерпевшим имущества при совершении хищений наступают хотя и в подавляющем большинстве случаев, но не всегда (проведенный диссертантом анализ данных о 420 хищениях, в том числе и неоконченных, показал, что количество преступлений с причинением имущественного ущерба в 6,4 раза превосходит количество преступлений без причинения такового), дает основания считать, что конструкция формального состава здесь непригодна. В то же время в работе аргументируется необоснованность высказанных некоторыми учеными предложений по включению в число последствий хищений имущественного ущерба в виде упущенной выгоды, морального вреда, а также незаконного обогащения виновного.

Диссертант доказывает, что современное определение хищения в уголовном законе нельзя признать совершенным, если анализировать его с позиций возможности однозначного решения вопроса о моменте окончания преступления. В формулировке закона для описания общественно опасного деяния (в узком смысле слова) использованы два термина – «изъятие» и «обращение» имущества в пользу виновного лица или других лиц. Последствие же прямо называется одно – причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества, и связано оно с первым из названных в законе действий – изъятием, под которым, как правило, в теории уголовного права понимают выход имущества из обладания собственника или иного владельца. Что касается понятия «обращение», то оно подчеркивает характер дальнейшего использования имущества. Обращение в научной литературе отождествляется с появлением у виновного на незаконных основаниях возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению, то есть с его обогащением. Таким образом, фактически оба упомянутых последствия оказываются включенными в родовой состав хищения. В целях совершенствования законодательного определения

хищения автор предлагает исключить из него указание на обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Проведенное автором исследование обоснованности конструирования состава разбоя как формального показало, что значимых в научном плане обстоятельств в пользу такого законодательного решения не существует. В юридической литературе обозначается целый ряд факторов, которые, по предположению ученых, учитывал законодатель при выборе современной конструкции основного состава разбоя, однако ни одно из них не входит в представленную выше систему обстоятельств, предопределяющих конструкцию состава. Особенности криминологической характеристики разбоя также свидетельствуют о том, что состав разбоя должен быть материальным. По данным диссертанта, в 98% случаев при совершении разбоев происходит реальное завладение имуществом и причинение имущественного ущерба потерпевшему. Поэтому в работе предлагается следующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ: «Разбой, то есть хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия».

Изменение конструкции основного состава разбоя потребует корректировки нормы и в части закрепления одного из особо квалифицированных составов – разбоя, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ). Если основной состав разбоя станет материальным, то указанный квалифицированный состав будет представлять собой материальный состав двуобъектного преступления, включающий два обязательных последствия. Учитывая показанную ранее неудачность таких законодательных конструкций, соискатель предлагает исключить из ст. 162 УК РФ данный особо квалифицированный состав, и в тех случаях, когда виновный умышленно причинил тяжкий вред здоровью потерпевшего в процессе разбоя или же совершал действия, непосредственно направленные на это, но не достиг результата, квалифицировать содеянное по совокупности преступлений – ст. 162 УК РФ и ст. 111 УК РФ (либо без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, либо со ссылкой на нее).

Диссертант указывает, что изменение конструкции основного состава разбоя позволит разрешить спорный в настоящее время вопрос о конструкции состава и моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ.

Из правила о необходимости конструирования составов хищений как материальных есть исключение, которое обнаруживается при исследовании обос-

нованности законодательной конструкции одного из квалифицированных составов кражи – кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Этот состав является материальным, однако анализ механизма совершения преступления и изучение судебной практики порождают сомнения в правильности такой конструкции данного состава в части хищения из газопровода. Кража природного газа из газопровода обычно осуществляется посредством незаконного подключения к нему газового оборудования, находящегося в принадлежащем виновному помещении или жилище, и использования поступающего газа для отопления и других бытовых нужд. В силу того, что предмет хищения непосредственно вслед за изъятием потребляется (более того, без потребления в данном случае не может быть и самого изъятия), а период времени, в течение которого происходит незаконное потребление газа, как правило, неизвестен, установить размер причиненного имущественного ущерба оказывается практически невозможно. В результате он определяется условно, что недопустимо, поскольку порождает объективное вменение. Поэтому, по мнению автора, состав, который охватывал бы собой хищение природного газа из газопровода, должен конструироваться как формальный. Диссертант полагает, что целесообразно было бы выделить самостоятельный состав преступления, обособив его в ст. 158-1 УК РФ следующего содержания: «Незаконное подключение к газопроводу, совершенное в целях хищения». С учетом этого из п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ должно быть исключено указание на совершение кражи из газопровода.

Во **втором параграфе** прослеживается история развития представлений о моменте окончания хищения в отечественной науке уголовного права, начиная с работ дореволюционных исследователей, и анализируются современные подходы к решению проблемы. В XIX веке в русской научной литературе упоминались три теории момента окончания хищения – теория прикосновения, теория завладения и теория уноса. Несмотря на то, что господствующей являлась теория завладения, само завладение ее сторонники понимали не всегда одинаково, из чего вытекали и расхождения в оценке идентичных конкретных ситуаций. Дифференциация объединяемых этой теорией подходов привела к тому, что со временем из нее выделились теория изъятия и близкая к теории уноса концепция, связывающая момент окончания хищения с появлением у виновного реальной возможности пользоваться изъятым имуществом или распорядиться им по своему усмотрению. Последняя получила свое окончательное оформление в 70-х

годах XX века и была закреплена в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР в качестве официальной позиции высшей судебной инстанции страны. Таковой она остается и в настоящее время: в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ говорится, что кража, грабеж и мошенничество окончены, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Суды нередко делают вывод о наличии у виновного такой возможности лишь в том случае, если он скрылся с места совершения преступления с похищенным имуществом.

В работе показано, что определение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ момента окончания целого ряда форм хищения через момент появления у виновного реальной возможности пользоваться изъятым имуществом или распорядиться им по своему усмотрению имеет ряд существенных недостатков: 1) не фиксирует момент окончания хищения, поскольку базируется на понятии, которое само является оценочным и требует толкования; 2) противоречит законодательному определению хищения, из которого вытекает, что моментом окончания хищения должен выступать момент причинения имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества; 3) некорректно в философском смысле, так как отсутствие препятствий пользоваться и распоряжаться похищенным может рассматриваться лишь как абстрактная возможность осуществления этих правомочий, а в судебной практике оно расценивается как реальная возможность; 4) основывается на учете интересов виновного, а не потерпевшего.

Современное толкование Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения исходит из отождествления моментов причинения ущерба собственнику имущества, лишения его возможности осуществлять свои полномочия в отношении имущества (изъятия) и получения виновным реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению (завладения). Причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества при хищении происходит вследствие изъятия имущества. Однако виновный не всегда в тот же самый момент обретает господство над имуществом, получая реальную возможность пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению. В работе выделяются ситуации, когда имеет место несовпадение двух указанных выше моментов: 1) при хищении вещи вместе с хранилищем (например, сейфом), в котором она находится, если виновный не успевает извлечь ее оттуда либо вообще не в состоянии сделать это; 2) при преследовании

преступника, убегающего с вещью, и задержании его в процессе преследования; 3) при хищении с охраняемой территории, когда преступник, изъяв имущество из его местонахождения, припрятывает его, не перемещая за пределы этой территории; 4) когда имущество выводится за пределы помещения или территории, принадлежащей собственнику, а виновный остается в этом помещении или на этой территории (выбрасывает имущество с балкона, перебрасывает через забор и т.д.). Таким образом, момент причинения ущерба потерпевшему изъятием у него имущества (момент прекращения владения им вещью) и момент получения виновным возможности пользоваться имуществом и распоряжаться им по своему усмотрению (момент установления господства над имуществом со стороны виновного) в целом ряде случаев не совпадают. Момент окончания хищения должен связываться с первым из них – с моментом изъятия. Именно такое решение соответствует законодательному определению хищения, включающему в себя причинение имущественного ущерба потерпевшему.

Далее соискатель рассматривает некоторые проблемы квалификации хищений при неполной реализации умысла. При решении вопроса о квалификации содеянного в тех случаях, когда при наличии определенного умысла виновный изъял имущество меньшей стоимости, чем рассчитывал, следует различать две ситуации в зависимости от того, что обусловило причинение меньшего вреда потерпевшему. В первой из них изъятие имущества или предмета, внутри которого по расчетам виновного должно было бы находиться имущество определенной стоимости, состоялось, а меньший ущерб потерпевшему нанесен в силу ошибки относительно того, какова стоимость изымаемого имущества. Такая ошибка влияет на квалификацию лишь при условии, что предполагаемый и фактически имевший место размер хищения (а, следовательно, и ущерб от него) оцениваются законодателем по-разному (например, виновный намеревался похитить имущество в крупном размере, а фактически изъясил имущество в размере, не являющемся крупным). Деяние следует считать покушением на преступление с более тяжкими последствиями. В ином же случае (при одинаковой законодательной оценке желаемого и фактически причиненного ущерба) эта ошибка не изменяет квалификации. Другая ситуация характеризуется тем, что меньший объем причиненного потерпевшему имущественного вреда предопределен изъятием лишь части имущества, которое намеревался похитить виновный. В этом

случае содеянное всегда должно квалифицироваться как покушение на хищение в том размере, в отношении которого у лица был определенный умысел.

В целях адекватной законодательной оценки ситуаций, в которых виновным применяется насилие или угроза применения насилия после окончания хищения с целью удержания похищенного имущества, предлагается в составы преступлений, закрепляющие различные формы проявления физического и психического насилия (ст.ст. 111, 112, 115, 116, 119 УК РФ), ввести квалифицирующий признак «совершение преступления из корыстных побуждений».

В **третьем параграфе** рассматриваются проблемы определения момента окончания отдельных форм и видов хищения в теории уголовного права и правоприменительной практике. В частности, доказывается, что кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, как и любая другая кража, должна считаться оконченной с момента, когда имущество выбыло из обладания собственника. Поскольку под обладанием имуществом следует понимать не только держание его в руках, но и нахождение имущества в помещениях, вещах, предметах собственника, при совершении кражи из одежды, сумки, другой ручной клади обладание имуществом прекращается с момента извлечения его из указанных мест.

Анализируя момент окончания кражи из жилища, помещения или иного хранилища, автор указывает, что по общему правилу преступление становится оконченным не ранее, чем после выхода виновного с похищаемым имуществом за пределы соответствующего помещения. Однако из этого правила существуют исключения. Преступление должно признаваться оконченным в случаях, если: 1) имущество потреблено виновным в пределах жилища, помещения, иного хранилища либо он уже распорядился им иным образом; 2) имущество спрятано с тем, чтобы при удобном случае вернуться и переместить его за пределы помещения; 3) имущество с целью удаления его за пределы помещения спрятано в вещах преступника или на его теле. В диссертации также исследуется ситуация, когда имущество хотя и перемещается виновным за пределы жилища, помещения, иного хранилища, но при этом оно остается в пределах объекта с равной или несколько меньшей степенью господства над этой территорией со стороны потерпевшего (например, виновный незаконно с целью хищения перемещает имущество за пределы цеха завода, но не успевает переместить его за пределы охраняемой территории завода). По мнению автора, здесь следует исходить из

того понимания реального господства над предметом владения, которое в свое время сформулировали еще римские юристы: если по нормальным условиям предполагается нахождение вещей в том или ином помещении, жилище, а такого рода вещь оказалась за пределами помещения или жилища, реального господства над вещью уже нет. Поэтому в таких случаях имеет место оконченное хищение. Если же какое-либо имущество в силу своих свойств и предназначения в равной степени могло бы находиться как в пределах помещения или жилища, так и за их пределами, но на территории, на которую распространяется господство потерпевшего, перемещение его на такую территорию образует лишь неоконченное преступление, за исключением случаев, когда собственник лишается информации о местонахождении вещи.

Проанализировав позиции исследователей относительно определения момента окончания грабежа, автор отмечает, что в случаях преследования убегающего с открыто изъятой вещью виновного последний вряд ли имеет над ней полную власть и реальную возможность пользоваться ее и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Однако очевидно, что этой вещью уже не владеет потерпевший, она изъята у него, ему причинен имущественный ущерб, в связи с чем в таких случаях грабеж должен считаться оконченным.

Учитывая изложенное, применительно к трем формам хищения – краже, грабежу и мошенничеству в форме хищения чужого имущества – в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных ответственности за данные преступления, следовало бы так разъяснить момент их окончания: «Кража, грабеж и мошенничество в форме хищения чужого имущества считаются оконченными с момента совершенного с корыстной целью и причинившего имущественный ущерб потерпевшему изъятия чужого имущества у собственника или иного владельца независимо от того, получил ли виновный возможность пользоваться имуществом или распорядиться им по своему усмотрению».

Для уточнения момента окончания присвоения диссертантом предлагается дать в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснение следующего содержания: «Присвоение является оконченным с момента неисполнения виновным обязанности передать вверенное имущество собственнику или законному владельцу в установленный последним срок (например, с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства или возвратить имущество по требованию собст-

венника или иного владельца), а в случаях, когда лицо до момента истечения срока исполнения такой обязанности совершало действия, направленные на обращение вверенного имущества в свою пользу (например, осуществило подлог для сокрытия наличия у него такого имущества), – с момента совершения таких действий».

В данном параграфе также рассмотрены особенности определения момента окончания хищения в отдельных его формах, когда предметом выступает специфичное имущество (безналичные деньги; документарные и бездокументарные ценные бумаги; недвижимость и др.).

В **третьей главе** – «Момент окончания иных преступлений против собственности» – анализируются обоснованность законодательной регламентации и проблемы определения момента окончания иных преступлений против собственности в теории уголовного права и правоприменительной практике. Автор приходит к выводу об обоснованности законодательных конструкций составов, предусмотренных ст.ст. 163, 165, 167, 168 УК РФ. В частности, отмечается, что основанием для конструирования состава вымогательства как формального выступает то, что при совершении подавляющего большинства таких преступлений имущественный ущерб потерпевшему фактически не причиняется. В работе предлагается конкретизировать момент окончания вымогательства в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, указав, что это преступление следует считать оконченным с момента доведения требований виновного до сведения потерпевшего под угрозой причинения вреда ему или его близким.

Исследуя конструкцию состава неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) и определяющие ее обстоятельства, автор показывает ошибочность распространенного в теории уголовного права мнения о том, что угон посягает лишь на право пользования транспортным средством. В отсутствие транспортного средства у потерпевшего нет возможности не только пользоваться им, но и владеть и распоряжаться. Следовательно, причиняется реальный имущественный ущерб, который выражается в утрате вещи потерпевшим. В работе доказывается, что фактически состав угона представляет собой конструкцию покушения на хищение транспортного средства и является законодательным излишеством, поэтому он должен быть исключен из закона. В пользу такого решения свидетельствует и проблема оценки случаев, когда виновный, неправомерно завладев транспортным средством с целью временного использования, во время поездки или после

нее принимает решение оставить его себе. Судебная практика исходит из того, что здесь имеет место перерастание угона в хищение. Между тем, о перерастании менее тяжкого преступления в более тяжкое речь может идти только тогда, когда менее тяжкое преступление еще не было окончено. Поскольку угон в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ окончен с момента начала перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось, очевидно, что к тому времени, когда у виновного появляется умысел оставить у себя транспортное средство и пользоваться им постоянно, угон уже окончен; следовательно, перерасти в кражу он не может. Но и другие варианты квалификации здесь тоже невозможны. Поэтому существование состава угона в уголовном законе нельзя признать обоснованным.

В **заключении** обобщенно сформулированы основные теоретические положения проведенного исследования и рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях для опубликования основных научных результатов диссертации

1. Ермакова О.В. Момент окончания хищения: закон, теория, практика // Вестник Калининградского юридического института МВД России. Выпуск №1 (19) 2010 г.: научно-теоретический журнал. – Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2010. – С. 44-46. – 0,2 п.л.
2. Ермакова О.В. Конструкция состава и момент окончания неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством (угона) // Труды академии управления МВД России. – 2010. – №2 (14). – С. 29-33. – 0,3 п.л.

Публикации в иных научных изданиях

3. Ермакова О.В. Момент окончания разбоя // Вестник Барнаульского юридического института. Выпуск №1 (14). – 2008. – С. 55-57. – 0,1 п.л.
4. Ермакова О.В. Момент окончания некоторых преступлений против собственности // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч.41 / ред. С.А. Елисеев, М.К. Свиридов, Р.Л. Ахмедшин. – Томск: Издательство Томского ун-та, 2008. – С. 36-37. – 0,06 п.л.
5. Ермакова О.В. Момент окончания мошенничества // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник материалов

шестой международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт, 2008. – С. 202-203. – 0,1 п.л.

6. Ермакова О.В. К вопросу об обоснованности выделения неправомерного завладения транспортным средством в самостоятельный состав преступления // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений : сборник материалов научно-практической конференции. – Москва: Академия управления МВД России, 2009. – Ч.2. – С. 387-389. – 0,14 п.л.

7. Ермакова О.В. Обстоятельства, влияющие на законодательную регламентацию момента окончания преступлений против собственности // Труды академии управления МВД России. – 2009. – №4 (12). – С. 34-37. – 0,2 п.л.

8. Ермакова О.В. Момент окончания хищения по уголовному законодательству Российской Федерации и ряда зарубежных стран // Проблемы права и государства: история и современность : материалы научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 102-104. – 0,1 п.л.

9. Ермакова О.В. К вопросу о моменте окончания вымогательства // Вестник Барнаульского юридического института. Выпуск №1 (16). – 2009. – С. 32-34. – 0,1 п.л.

10. Ермакова О.В. Хищение предметов, имеющих особую ценность: конструкция состава и момент окончания преступления // Вестник Барнаульского юридического института. Выпуск №2 (17). – 2009. – С. 97-100. – 0,2 п.л.

11. Ермакова О.В. Момент окончания вымогательства // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч.44 / ред. С.А. Елисеев, М.К. Свиридов, Р.Л. Ахмедшин. – Томск: Издательство Томского ун-та, 2009. – С. 17-18. – 0,06 п.л.

12. Ермакова О.В. Вымогательство: конструкция состава и момент окончания преступления // Образование и наука в третьем тысячелетии: материалы пятой международной научно-теоретической конференции. Ч.1 / под ред. В.И. Степанова. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2009. – С. 40-43. – 0,1 п.л.

13. Ермакова О.В. Вопросы законодательной регламентации момента окончания состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ // Проблемы права и государства: история и современность : материалы научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 65-68. – 0,2 п.л.

14. Ермакова О.В. Обоснованность законодательной регламентации момента окончания хищения, его отдельных форм и видов // Вестник Барнаульского юридического института. Выпуск №1 (18). – 2010. – С. 11-13. – 0,3 п.л.
15. Ермакова О.В. Понятие момента окончания преступления и его соотношение со смежными категориями // Актуальные проблемы уголовного права : материалы международной научно-практической конференции / отв. за вып. М.В. Бавсун, К.Д. Николаев. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – С. 123-127. – 0,3 п.л.
16. Ермакова О.В. Момент окончания причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: законодательная регламентация и вопросы толкования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник материалов восьмой международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт, 2010. – С. 28-29. – 0,1 п.л.
17. Ермакова О.В. К вопросу об обоснованности законодательной конструкции состава разбоя // Уголовная политика России в XXI столетии : сборник научных статей / под ред.: В.И. Тюнина. – С.-Пб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – С. 131-135. – 0,2 п.л.
18. Ермакова О.В. Особенности конструкции составов уничтожения или повреждения имущества и проблемы квалификации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (18-19 февраля 2010 г.): в 3 ч. Ч. 1 / отв. ред.: Д.Д. Невирко. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. – С. 72-76. – 0,2 п.л.
19. Ермакова О.В. Проблемы определения значительного ущерба в составе умышленного уничтожения или повреждения имущества // Российское государство и право: традиции, современность, будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.Я. Музюкина, Е.С. Аничкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 157-158. – 0,07 п.л.

Подписано в печать 20.10.2011 г. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,4. Тираж 120 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии

Алтайского государственного университета:

656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.